

Бюрократизация профессии / Bureaucratization of the Profession

Архитектурная наука и институты, которые призваны ее поддерживать, бюрократизированы и находятся в глубоком кризисе. Начальству требуются отчеты и награды. Содержание работы никого не интересует. Отсутствуют новые идеи. Отсутствуют научные дискуссии.

Ключевые слова: архитектурная наука; бюрократизация; безразличие к содержанию; отсутствие дискуссий; отсутствие новых идей. /

Architectural science and the institutions that are meant to support it are bureaucratized and sunk into a deep crisis. The authorities demand reports and awards. Nobody is interested in the content of the work. There is a lack of new ideas and scientific discussions.

Keywords: architectural science; bureaucratization; indifference to content; lack of discussions; lack of ideas.

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В НИИТИАГе РААСН проводится очередная (раз в пять лет) аттестация сотрудников, на мой взгляд с головой выдавая подлинный статус всей так называемой архитектурной науки. От работников института требуют представить составленные по определенной форме данные о публикациях, открытиях и наградах. Можно подумать, что все эти показатели достоинства соискателей никому не известны. Но ведь и фактически они никому не известны. А неизвестны потому, что не интересны и не нужны. Начальству требуются не идеи, а отчеты и награды, а читателям уже не нужно ничего в принципе. Порой еще начальство поощряет издания книг на бумаге – то есть имеет место культ книги, идущий от Библии. Но уж содержание этих книг совершенно несущественно. У нас демократия – свобода мнений. Потому интересуются ими только те, кто из текстов этих чужих книг путем «выделить и вставить» составляет собственные книги. И в этом трагический парадокс бюрократизированной профессии и науки.

Скажем, я за последние пять лет опубликовал в блоге около двух тысяч текстов. Из нашей институциональной сферы их практически никто не читал. Что может добавить сводка названий этих текстов для соответствующей аттестационной комиссии? Их что, оценят по названиям или кто-нибудь наконец прочтет? Ровным счетом ничего.

Да и кто такая эта комиссия? Мы все работаем в отделах, которыми руководят те или иные люди, которые прекрасно знают своих сотрудников, их достоинства и недостатки, даже если и он не читают текстов своих коллег. Почему аттестация не может быть основана на их мнениях? Скорее всего, потому, что на деле администрация не доверяет их мнениям и не считается с ними. Поэтому процедура аттестации приобретает формальный и безличный характер. То есть становится совершенно бессодержательной. И власть бюрократии поддерживается только самим механизмом формального принятия решений.

Но таковы же все мероприятия академии и институтов. Например, планово проводимые конференции или чтения, в которых авторы «зачитывают» свои тексты за 20 минут. Ни о каком серьезном обсуждении этих текстов не идет речи – ни споров, ни дискуссий на таких конференциях не возникает, в редчайших случаях задается пара вопросов и точка. Теперь новая символика: молчание – знак согласия, а аплодисменты – знак безразличия. Эти два символа и чередуются. Таковы же и защиты диссертаций – ни дискуссий, ни полемики. Голосование ученых советов, вероятно, диктуется какими-то скрытыми причинами. Не будем пытаться их раскрыть.

Сегодня и сами авторы строят свои тексты так, чтобы вопросов не возникало – они не провоцируют дискуссий и не продуцируют непривычных, то есть новых концепций, либо излагают их в такой обобщенной форме, которая не позволяет начать их конкретный анализ. Научные работы становятся вариантами либо повторения общеизвестного, либо декларациями о намерениях, которые если и не сбудутся, никто не пострадает.

Вот шумная история с разоблачениями фальшивых диссертаций (ДИССЕРНЕТ), то есть диссертаций, построенных на простом копировании чужих текстов. Ведь если бы советы и защиты имели какой-то смысл, эти факты немедленно были бы обнаружены без всяких диссернетов, в процессе обсуждения, на защите. Но защита, как и парламент (от глагола «парле» – говорить) у нас не место для дискуссий, это место для докладов и жидких аплодисментов. Но в научном сообществе, где никто никого не читает, это невозможно.

Отсутствие интереса к самому содержанию научной работы – раковая и роковая опухоль нашей интеллектуальной жизни. Но она никого не беспокоит: главное – наличие «корочек» – дипломов. Даже если сегодня они уже ничего не дают, кроме пособия по безработице, именуемой зарплатой.

Таким образом, в нашей сфере, в архитектуре и ее теории (о других областях не буду говорить, их я не знаю), вся эта научная работа если и проводится, то только по частной воле самих исполнителей и их прямого руководства, и основана она, как правило, на личном доверии. А с внешней стороны она напоминает хореографическую пантомиму. Как и когда эта пантомима лопнет – никто не знает, так как все ее участники связаны общими принципами молчания.

В итоге, конечно, тотальная интеллектуальная деградация, кумовство, коррупция и формализм. Бесперспективность. Но эта система поддерживается аналогичными институтами во власти, в сфере юстиции, сфере массовых коммуникаций, избирательных компаний – так что нигде не возникает никаких поводов для беспокойства. Повсюду стабильность надежных связей и дружеских отношений.

Так зачем же эти аттестационные комиссии, их формальные нормы и пр.? Видимо, это просто декорации спектакля. И публика, где надо, соблюдает тишину, а где требуется, производит жидкие аплодисменты. Грустная картина.

Сегодня она еще чудом держится на каких-то остатках совести, Но совесть выходит из моды со скоростью, превышающей скорость света, во всяком случае в области просвещения.